

Сразу же после этого Мао Цзян снова начал испытывать страх, его выражение лица мгновенно изменилось от возбуждения до муки. Он продолжил:

— Я видел его глаза... он смотрел на меня... злобно... глаза были искажены, но он все еще смотрел на меня... Я не мог этого вынести! Не мог!

Говоря это, Мао Цзян начал рыдать, пытаясь схватить голову, но его руки были прикованы. Он нервно пытался спрятать голову, почти срываясь:

— Я не хочу, чтобы он видел меня, не хочу! Я снова ударил его... размозжил глаза.

Начальник некоторое время молчал, затем повернулся к Му Чэню:

— Принеси ему воды.

Му Чэнь принес чашку горячей воды и передал ее Мао Цзяну. Тот едва мог удержать ее, его руки были зафиксированы на столе, и он мог только опустить голову, чтобы пить, дрожа всем телом. Он сделал несколько глотков, пытаясь успокоиться, и немного пришел в себя.

Су И за компьютером тщательно записывал все ответы. Возможно, впервые в жизни он записывал столь ужасающую историю убийства, и его настроение было сложным.

Поздней осенью ночью температура быстро падала. Тонкая полицейская форма то пропитывалась потом, то высыхала, позволяя холоду проникать внутрь. Было уже около трех часов ночи, и оба следователя с самого утра не ели и не пили. Хотя они не чувствовали голода, холод пронизывал до костей.

Пока Му Чэнь наливал воду, он заодно приготовил Су И чашку горячего кофе и поставил ее рядом. Теплый пар окутал его нос, немного разгоняя усталость. Су И встрепенулся, его застывшие руки обхватили чашку, и он посмотрел на Му Чэня. Тот улыбнулся и кивнул, без слов сказав: «Пожалуйста».

Су И улыбнулся про себя: «Я еще не сказал спасибо, а он уже...»

После короткой паузы все трое снова погрузились в жуткий процесс допроса.

Начальник сказал:

— Продолжай.

Мао Цзян собрался с мыслями, видимо, понимая, что ему все равно грозит смертная казнь, и продолжил:

— Он лежал на полу без движения, кровь стекала по его лицу. Я не мог смотреть на него, поэтому убежал в комнату и спрятался под одеялом. Я не знал, как долго прятался, но когда пришел в себя, уже рассвело. Я подумал, что это был кошмар, но когда выбрался, увидел тело на полу и понял, что это не сон. Я убил человека.

— Я не знал, что делать. Мне нужно было спрятать тело, но я боялся унести его далеко. На горе иногда бывают люди, поэтому я ждал до ночи, а потом выкопал яму за домом и закопал его.

Начальник спросил:

— Его телефон ты выбросил?

Мао Цзян ответил:

— Я слышал, что по телефону можно отследить местоположение, поэтому выбросил его в реку.

Начальник помолчал, затем спросил спокойным тоном:

— А Ло Лань? Зачем ты убил ее?

Услышав этот вопрос, Мао Цзян замер. Весь его страх, ненависть и ужас мгновенно исчезли, лицо стало бесстрастным, и он уставился на того, кто задал вопрос.

В комнате для допросов воцарилась гробовая тишина, словно воздух застыл. Стук клавиатуры прекратился. Су И замер с поднятой рукой, палец завис над клавишей.

Однако начальник даже не взглянул на Мао Цзяна. Он спокойно закурил сигарету, сделал затяжку, затем достал еще одну, зажег и протянул Мао Цзяну. Словно заданный вопрос был обыденным, как фраза «Ты поел?». Он явно не ожидал, что Мао Цзян сразу признается, и, возможно, даже не особо заботился об этом. В конце концов, у полиции не было прямых доказательств того, что Мао Цзян убил Ло Лань, в отличие от найденного в его доме тела, которое было железным доказательством.

Допрос — это всегда игра, где пустое сменяется реальным, правда переплетается с ложью.

В конце концов, вероятность того, что в одном районе в одно и то же время появятся два маньяка, все же гораздо меньше, чем шанс, что они влюбятся друг в друга. Поэтому начальник был уверен: перед ними один маньяк, убивший двух человек. Его выражение лица словно говорило: «Мне просто лень вставать и идти за доказательствами, так что лучше сам во всем признавайся».

Возможно, признание — это тоже способ выговориться. В реальной жизни большинство убийц изначально не планируют совершать преступления. Может, это просто страх, тревога, печаль, подавленность — все эти негативные эмоции накапливаются, пока человек не может их вынести, и тогда происходит всплеск насилия. Лишь немногие люди от природы хладнокровны и способны спланировать идеальное убийство. Очевидно, Мао Цзян принадлежал к большинству.

Подумав некоторое время, Мао Цзян, видимо, и сам почувствовал, что история не закончена, и ему было не по себе оставлять ее незавершенной. В конце концов, убийство одного или двух человек все равно вело к смертной казни. А перед ним сидели трое слушателей, которые не спали всю ночь, терпеливо слушали и записывали каждое его слово. Возможно, его имя даже останется в истории. Поэтому он решил не заставлять этого грозного начальника вставать и искать доказательства. Он поправил позу, глубоко затянулся сигаретой и начал рассказывать дальше.

— Эта женщина заслуживала смерти! — Как только речь зашла о ней, на лице Мао Цзяна появилось выражение крайнего отвращения и презрения. — Она со всеми флиртвала! Если бы не она, Чжан Чэн не приказал бы мне избивать Лю, и я бы не убил Чжан Чэна.

Мао Цзян говорил все более возбужденно.

— Десять лет назад я подсел на наркотики. Потом меня несколько раз арестовывали и сажали

в тюрьму. Когда меня выпустили, я не смог найти тех, кто продавал героин. Не знаю, может, они все умерли. Теперь везде продают этот метамфетамин. Разве он может сравниться с героином?

— Чжан Чэн знал, что я употребляю героин, и отвел меня к той женщине. Он сказал, что у нее есть каналы для получения товара, и потом я часто ходил с ним к ней.

— В тот день, когда я убил Чжан Чэна, прошло несколько дней, и у меня снова началась ломка. Я пошел к той женщине и попросил товар. Раньше я всегда приходил с Чжан Чэном, а тут пришел один. Она стала меня допрашивать, где Чжан Чэн, и сказала, что не даст мне товар, пока не найдет его. Я не мог сдержаться и схватил электрический провод, обмотал его вокруг ее шеи и заставил принести наркотики. Получив их, я затянул провод и убил ее.

Начальник спросил, и его лицо стало серьезным:

— Что ты сделал с телом?

Мао Цзян равнодушно ответил:

— Я затащил ее в комнату, положил на кровать, накрыл одеялом, закрыл дверь и ушел.

Услышав это, начальник больше не задавал вопросов. Он резко встал и вышел из комнаты, хлопнув дверью. Начальник прослужил в полиции двадцать лет и повидал множество абсурдных дел, но, будучи человеком, все равно не знал, что испытывать к таким убийцам — ненависть или жалость. Ключевые вопросы он уже задал, и теперь ему не нужно было лично участвовать в допросе. Он снова безжалостно бросил двух следователей разбираться с этим делом в глухую ночь.

Му Чэнь продолжил допрос, задавая подробные вопросы о деталях, а Су И все тщательно записывал. Кропотливо закончив оформление материалов допроса и получив подпись с отпечатком пальца, они увидели, что на улице уже светало. Му Чэнь отсканировал документы и отправил их начальству, ожидая утверждения. Оба были измотаны до предела, голодны и замерзли, но спать не могли — нужно было не спускать глаз с убийцы.

Су И уже едва держался на ногах. Он чувствовал не только усталость и холод, но и голод. Ему казалось, что его тело начало само себя переваривать, и он может похудеть за одну ночь.

Му Чэнь, закончив сканирование, оглянулся на побледневшего и осунувшегося Су И, цокнул языком и с сочувствием вздохнул:

— Бедный ребенок.

Су И ответил:

— А ты не бедный? Ты же тоже не ел и не спал.

Му Чэнь усмехнулся:

— Я привык.

Затем его глаза вдруг загорелись, брови изогнулись, и он так ярко улыбнулся, что Су И невольно тоже широко открыл глаза. Му Чэнь таинственно прошептал:

— Су И! Побудь тут, я скоро вернусь.

Не понимая, что за сюрприз задумал Му Чэнь, Су И едва успел моргнуть, как тот исчез за дверью. Су И с трудом приподнял тяжелые веки, оставив узкую щелку, и продолжил наблюдать за убийцей.

Не прошло и десяти минут, как из-под двери пробрался соблазнительный аромат. Казалось, даже его отяжелевшие веки вздрогнули от этого запаха. Затем дверь открылась, и Му Чэнь осторожно вошел, прикрывая собой две миски с дымящимся супом. Глаза Су И сразу же загорелись, он бросился вперед, как голодный волк, и почти выхватил свою миску из рук Му Чэня. Оба уставились на миски, боясь неловким движением пролить это долгожданное великолепие.

<http://bllate.org/book/16252/1461772>